

Козлова Т.О.

Иконичность редуплицирующих глаголов в готском языке

Козлова Татьяна Олеговна, кандидат филологических наук, доцент,
Запорожский национальный университет, г. Запорожье, Украина

Received October 26, 2013; Accepted November 15, 2013

Аннотация: В статье представлен анализ единиц, относящихся к VII классу сильных редуплицирующих глаголов в готском языке. Готские редуплицирующие глаголы являются реликтами древних форм праиндоевропейского перфекта, который претерпел различные трансформации в процессе формирования дочерних систем, в частности, развился в самостоятельную категорию в пределах индо-иранского языкового ареала, частично сохранился как претерит в Q-кельтских и тохарском языках, был утрачен в P-кельтской, балтийской, славянской и армянской группах и соединился с аористом в одну категорию перфекта в латыни и претерита в германских языках. Особый интерес для изучения представляют готские сильные глаголы VII класса, поскольку в германских языках только этот незначительный в количественном отношении разряд единиц унаследовал формальный признак от перфектных удвоенных основ в индоевропейском языке. В чем причина такой резистентности к изменениям формального плана? Выдвигается гипотеза о том, что сохранение редупликаций у готских глаголов обусловлено не только необходимостью дифференциации совпавшего вокализма в формах презентя и претерита, но и иконичностью как праиндоевропейских этимонов, так и их рефлексов. Несмотря на то, что во многих языках за пределами индоевропейской семьи глагольная редупликация является весьма продуктивным способом прозрачного иконического кодирования значений интенсивности, итеративности и дуративности, иконичность редупликации в формах перфекта и претерита не является столь очевидной. Основное внимание в статье уделяется выявлению иконичности редупликаций в готском претерите. Несмотря на деиконизирующий эффект, сопровождавший формально-семантическую диверсификацию праиндоевропейских этимонов в дочерних языках, сохранению редупликации в готском претерите способствовало вовлечение сильных глаголов VII класса в отношения внутрисистемной мотивированности и формирование на этой основе определенных видов диаграмматической (структурной) иконичности.

Ключевые слова: готский язык, иконичность, перфект, праиндоевропейский язык, претерит, редуплицирующий глагол.

Введение. Грамматическая система глагола, которая подвергается существенным модификациям в истории языков, представляет собой сложную область для сравнительно-исторических исследований. На основании остаточных явлений категорий праиндоевропейского состояния восстанавливается грамматическое устройство глагола в системе языка-основы, особенности отдельных глагольных категорий, в частности, перфекта [см. 2; 3, с. 258 – 259, 280 – 284], анализируются их дальнейшее развитие в дочерних языках, соотношение архаичных и инновационных явлений [5; 6; 10]. Все больше внимания уделяется анализу диахронического аспекта грамматикализации и семантического поведения глагольной редупликации в индоевропейских (и.е.) языках [14]. Появляются работы, ориентированные на изучение иконичности процессов грамматикализации, мотивированности связи редупликации и категориального значения глагола [4, р. 547 - 548; 7; 8; 12]. При этом рефлекс такого чрезвычайно продуктивного способа образования перфекта в и.е. языке-основе, как редупликация [16, с. 290], остаются малоизученными.

Цель исследования заключается в анализе сильных глаголов VII класса в готском языке и выявлении их иконичности.

Редуплицирующие глаголы в готском представляют собой незначительный в количественном отношении класс единиц. Несмотря на непродуктивность, этот разряд глаголов привлекателен для анализа тем, что он унаследовал формальный признак удвоения от и.е. перфектных основ.

Гипотеза исследования. Сохранение редупликации у сильных глаголов VII класса обусловлено не только необходимостью дифференциации совпавшего вокализма в формах презентя и претерита [11, р. 206 -

207], но и иконичностью как и.е. этимонов, так и их рефлексов в готском языке.

Материал и процедура анализа: (1) инвентаризация редуплицирующих глаголов (45 единиц) методом сплошной выборки из исторических словарей [13; 15]; (2) установление и.е. этимонов на основе этимологических данных [1; 13]; (3) методом контекстологического анализа на материале [9] изучение функциональных особенностей отобранных глаголов и установление их значений в зависимости от контекстуального окружения; (4) выявление наличия мотивированной связи формального удвоения с значением глагола.

Категория перфекта, одна из наиболее архаичных в и.е. языке-основе, не соотносилась с категориями времени, наклонения, залога, и, не имея медиальных форм, занимала особое место в системе и.е. глагола. В формальном отношении основы и.е. перфекта были нетематическими, характеризовались особыми окончаниями, корневым чередованием гласных и в некоторых случаях частичным удвоением корневой морфемы. Нельзя сказать, что редупликация была характерным признаком перфекта, поскольку удвоение основ встречалось и в формах презентя (у глаголов с корневой основой аориста), а также в формах аориста (у глаголов с коревой основой презентя) [см. 3, с. 263, 274 – 275, 281]. В семантическом отношении и.е. перфект не был формой прошедшего времени, а скорее объединял единицы в определенный лексико-грамматический класс предикатов с инактивным значением, которое позднее развилось в 'действие, совершившееся в прошлом и сохраняющее актуальность в настоящем' (см. детальный обзор различных точек зрения, позицию И. Перельмутера относительно первоначальной функции перфекта и особенностей груп-

пы аномальных, изолированных перфектов/*perfecta tantum* в древнегреческом и древнеиндийском языках [2, с. 5 – 20, 23 – 27, 30]).

Морфологическая редупликация в языке-основе по-разному отражена в дочерних системах. В восточном ареале и.е. языков она оказалась продуктивной, совмещая архаические и неологические черты. В западном ареале, в германских языках, в частности, имеются лишь остаточные рефлексивы и.е. удвоений (претерито-презентные глаголы и VII класс сильных глаголов). Так, по нашим подсчетам, в готском языке из 577 глаголов (100%) слабые составляют 54 %, сильные без удвоений – 33%, сильные редуплицирующие – 8%, неправильные – 3%, претерито-презентные – 2%.

Дж. Язанофф [11, р. 241 - 243] полагает, что редупликация претерита в большинстве сильных глаголов в германских языках началась еще до распада протогерманской общности и была вызвана необходимостью оптимизации коммуникации - увеличением частотности употребления глаголов и редукцией многосложных форм, сочетающих глагольные корни и превербы. Однако глаголы с одинаковым вокализмом в презенте и претерите сохранили редупликацию. Некоторые глаголы были редуплицированы в готском претерите по аналогии.

Анализ готских редуплицирующих глаголов и и.е. этимонов, к которым они восходят, показал, что большинство исходных единиц имеет имитативный характер. К этой группе относятся:

- полиакциональные интенсивы ('резать + звучать', 'вопить + оплакивать, скорбеть' пр.) - и.е. **gher-* "обрабатывать острым инструментом" > "звук" > герм. **grōt-/grāt-* "вопить, взывать; приветствовать, заставить заговорить" > гот. *grētan* "плакать, вопить");

- наименования прерывистого, повторяющегося действия - и.е. **pel-/pl-* "складывать, придавать форму" > герм. **falB-* "складывать; складка" > *falPan* гот. "складывать";

- корни со значением 'связывать, соединять' – и.е. **pak-* "скреплять, связывать, соединять" > герм. **fang-* "хватать, ловить" > гот. *fāhan* "ловить", *ga-fāhan* "поймать, схватить";

- обозначения физического состояния пр. - и.е. **sle(i-)* "расслаблять(ся)" > герм. **lāt-*¹ "быть расслабленным; отпускать, позволять" > гот. *lētan* "оставлять" (также гот. *lats* "медленный, вялый").

Следует ожидать, что в ходе исторического развития прозрачность внутренней формы единиц снижается, что приводит к их постепенной деэтимологизации. Поэтому контексты, содержащие лексемы со стертым значением 'интенсивности', инкорпорируют дополнительные единицы с целью его восстановления. Примерами могут служить сочетания предиката с квалитативом в контактной позиции по отношению к редуплицирующему глаголу ("*jah usgaggands ut gaigrot baitraba*" (M. 26: 75) – 'И выйдя вон, плакал горько', где *gaigrot* < *grētan* "плакать, рыдать", *baitraba* < *baitis* "горький; горько, сильно"), а также случаи эквонимической конденсации предиката за счет использо-

вания синонимов с усилительным значением ("*gaigrotun þan allai jah faiflokun þo*" (L. 8: 52) – 'Все плакали и рыдали о ней', где *faiflokun* < *flokun* "печалиться, плакать, рыдать"). По нашему мнению, эти приемы снижали деиконизирующий эффект.

Ко второй группе редуплицирующих глаголов относятся единицы с перформативным значением ('утешать', 'звать, называть' пр.) и со значением 'влиять' ('дотрагиваться (до...)', 'сеять (что...)' пр.), употребляющиеся в контекстах, ослабляющих транзитивность этих глаголов, за счет чего и реализуется мотивированная связь редуплицированной формы со значениями 'распространение из одного источника', 'умножение одной и той же сущности' пр. Например, редуплицирующий глагол *saiān* "сеять" используется в составе этимологической фигуры ("*...urrann saiānds du saiān fraiwa seinamma ...*" (L. 8: 5) 'вышел сеятель сеять семя свое ...'), где действие (*saiān* "сеять") и субъект действия (*saiānds* "сеятель") выражены однокоренными словами. При этом объект действия (*fraiwa* < *fraiw* "зерно") включается в посессивную конструкцию с притяжательным местоимением (*seinamma* < *seins* "свой"). Такая конструкция позволяет усилить значение рефлексивности и одновременно ослабить значение переходности глагола. Редупликация кодирует действие субъекта, которое, так сказать, замыкается на нем, осуществляется субъектом в свою пользу.

Таким образом, формированию и сохранению редупликаций способствовала специфика лексических значений и.е. этимонов и их рефлексов в готском языке, поскольку повтор одной и той же формы, по данным различных языков, (а) является иконической экспликацией квантитативного принципа 'больше формы: больше значения' и (б) кодирует значение 'увеличение одной и той же сущности'.

Анализ употреблений готских редуплицирующих глаголов показал, их различную встречаемость в зависимости от категорий лица, числа и склонения.

Большинство употреблений (79,7%, зд. и далее от общего числа проанализированных контекстов – 74 / 100%) имеет форму третьего лица. Случаи использования форм первого (17,6%) и второго (2,7%) лица немногочисленны. При этом формы первого и второго лица встречаются преимущественно в прямой речи, в формы третьего лица – в косвенной речи: "...*wisseis þatei ik manna hardus im, nimands þatei ni lagida jah sneiþands þatei ni saiso*" (L. 19: 22) – 'ты знал, что я человек жестокий, беру, чего не клал, и жну, чего не сеял'. Указанное согласуется с особенностями употребления перфектных форм в древнеиндийском языке (в непрямо́й речи в формах третьего лица) и в древнегреческом языке (у Гомера – в прямо́й речи в формах первого и второго лица) при сообщении о событиях, которые известны говорящим на основании личного опыта [2, с. 56 - 57]. Иконичность редупликации здесь проявляется в ее соотносительности с двумя временными планами – прошедшим (опыт говорящего) и настоящим (время сообщения). Так обеспечивается соответствие формы повтора значению 'длительности дей-

ствия, которое совершилось в прошлом, но остается актуальным в настоящем’.

Наблюдается преимущественное использование редуцирующих глаголов в форме единственного числа (79,7%), на что, вероятно, влияет значимость единичности субъекта действия. Случаев использования форм двойственного числа не обнаружено.

Примеры употребления редуцирующих претеритов в опативе малочисленны (13,5%), но являются интересными с точки зрения их иконичности. Как известно, опатив (как и дезиратив) соотносится с агентивно-ориентированной модальностью, выражая действия, протекающие медленно, постепенно. Результат таких действий достигается лишь при условии приложения значительных усилий или при сильном желании субъекта. Вероятно, здесь для редукации значение имеет комбинация оттенков аспектуальных значений ‘прогрессивности, длительности’ с семантикой ‘результативности, завершенности’ действия. Не случайным нам представляется и тот факт, что формы опатива характерны для редуцирующего глагола *at-tekan* ‘дотрагиваться’, имплицитного значения ‘исцелять (от недуга, бесов, проказы, горячки пр.)’: *“þanuh atberun du imma barna, ei attaitoki im: iþ þai sipoņjos is sokun þaim bairandam du.”* (М. 10: 13) - ‘Приносили к Нему детей, чтобы Он прикоснулся к ним; ученики же не допускали приносящих’. В древности

считалось, что даром исцеления обладает тот, кто сам является чистым и праведным (ср. русск. *цельй, целить*). Исцеление же направлено на избавление от чего-то такого, что не является внешним по отношению к объекту воздействия. Таким образом, редукация в этих случаях кодирует сложное переплетение смыслов, объединенных общим значением ‘умножение сущности’ и соотносится с иконическим принципом квантитативности.

Выводы. Результаты исследования подтвердили гипотезу об иконическом характере редуцирующих глаголов в готском языке. Несмотря на деиконизирующий эффект, сопровождавший формально-семантическую диверсификацию праиндоевропейских этимонов в дочерних языках, сохранению редукации в готском претерите способствовало вовлечение сильных глаголов VII класса в отношении внутрисистемной мотивированности и формирование на этой основе непрозрачной диаграмматической иконичности. Вопросы возможности (или необходимости) сохранения формального признака ‘повтор’ при смене функциональной загрузки единиц и переходе от выражения лексического значения к выражению грамматического значения (прошедшего времени) требуют дальнейшего, более глубокого анализа с привлечением материала типологически отличных, неродственных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левицкий В.В. Этимологический словарь германских языков; Т. I – II. – Винница: Нова книга, 2010.
2. Перельмутер И.А. Общинеоевропейский и греческий глагол. Видо-временные и залоговые категории. – Ленинград: Изд-во “Наука”, 1977. – 207 с.
3. Савченко А.Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. – М.: Высшая школа, 1974. – 410 с.
4. Abraham W. Intensity and diminution triggered by reduplicating morphology: Janus-faced iconicity // *Studies on reduplication*; Bernhard Hurch, ed. – Berlin: Walter de Gruyter, 2005. – P. 547 – 568.
5. Acosta D. de. Rethinking the genesis of the Romance periphrastic perfect // *Diachronica*, Vol. 28, # 2. – 2011. – P. 143 – 185 (43).
6. Adamczyk E. Reduplication and the Old English Strong Verbs Class VII (1) // *Studia Anglica Posnaniensia: international review of English Studies*. – 2002. – Vol. 38. – P. 23 – 34.
7. Fischer O. Cognitive iconic grounding of reduplication in language // *Semblance and Signification: Iconicity in Language and Literature 10*; P. Michelucci, O. Fischer, Ch. Ljungberg, eds. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Co, 2011. – P. 55 – 82.
8. Fischer O. On the role played by iconicity in grammaticalisation // *Form Mimicry Meaning: Iconicity in Language and Literature*; Max Nänny, Olga Fischer, eds. – Amsterdam: John Benjamins Publishing, 1999. – P. 345 – 374.
9. Gothic Bible and minor fragments. An evolving lemmatized and POS-tagged edition of the Gothic Bible, based on Streitberg 1919 // Project Wulfila. - University of Antwerp, Belgium, 2004. - <http://www.wulfila.be/gothic/browse/>
10. Jasanoff J. H. Gothic // *The Ancient Languages of Europe*; Roger D. Woodard, ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – P 189 – 208.
11. Jasanoff J. H. The Class VII Strong Verbs of Northwest Germanic // *Hist. Sprachforsch.* 120. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht GmbH & Co. KG, 2008. – P. 241 – 284.
12. Kulikov L. Reduplication in the Vedic verb: Indo-European Inheritance, analogy and iconicity // *Studies on reduplication*. – Bernhard Hurch, ed. – Berlin: Walter de Gruyter, 2005. – P. 431-454.
13. Lehmann W.P. A Gothic Etymological Dictionary. – Amsterdam: BRILL, 1986. – 712 p.
14. Nepokuj M. The development of verbal reduplication in Indo-European // *Journal of Indo-European Studies*, monograph series 24. – Washington D.C.: Institute of the Study of Man, 1997. – 239 p.
15. Skeat W.W. A Moeso-Gothic Glossary: with an introduction, an outline of Moeso-Gothic grammar, and a list of Anglo-Saxon and old and modern English words etymologically connected with Moeso-Gothic. – London: Asher & Co, 1868. – 340 p.
16. Szemerényi. O. J. L. Introduction to Indo-European Linguistics. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – 352 p.

REFERENCES TRANSLATED AND TRANSLITERATED

1. Levitsky V.V. An Etymological Dictionary of Germanic Languages; Vol. I – II. – Vynitsa: Nova Knyha, 2010.
2. Perelmutter I.A. Obscheindoeuropejsky i grechesky glagol. Vido-vremennyje i zalogyje kategoriji. – Leningrag: Nauka, 1977. – 207 s.
3. Savchenko A.N. Sravnitel'naya grammatika indoevropskikh jazykov. – Moskva: Vysshya shkola, 1974. – 410 s.

Kozlova T.O. Iconicity of reduplicated verbs in Gothic

Abstract: This paper aims to investigate Gothic strong verbs (Class VII) whose reduplicated preterite forms are the remnants of Proto-Indo-European (PIE) perfect. The PIE perfect was unevenly reflected in different daughter branches. It further developed into an independent category in Indo-Iranian languages, partially survived as the preterite in *Q*-Celtic and Tocharian groups, was lost in *P*-Celtic, Baltic, Slavic, Armenian and Albanian languages, and merged with the aorist into Latin perfect and Germanic preterite. It is especially intriguing to look into the reduplicating survivals in Gothic as most of PIE reduplicated perfective forms lost their stem doubling in Germanic languages. Why did some of the Gothic reflexes not lose their original perfective shapes? Was it only due to the coincidence of vocalism in their present and preterite forms? It is hypothesized that Gothic reduplicating verbs that constitute Class VII were resistant to the process of dereduplication owing to the iconic effects. Although in many languages outside the Indo-European family reduplication is recognized as one of the most productive imitative means encoding verbal intensity as well as iteration in punctual or telic verbs and duration in atelic ones, its iconic functions in the perfective aspect are less transparent. The article's focus is on the presence of iconicity in PIE reduplicated perfect and its reflexes in Gothic. It is argued that in spite of a deiconizing drift accompanying the diversification of PIE etymons, reduplicated reflexes in Gothic gained new motivation which, however, did not exhaust their iconic encoding efficiency.

Keywords: *Gothic, perfect, preterit, Proto-Indo-European, reduplicated verb.*